

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

— Приехал... барыня, приехал! — задышавшимся голосом прошептала горничная Матрешка, вбегая в спальню Хионии Алексеевны Заплатиной. — Вчера ночью приехал... Остановился в «Золотом якоре».

Заплатина, дама неопределенных лет с выцветшим лицом, стояла перед зеркалом в утреннем дезабилье. Волосы цвета верблюжьей шерсти были распущены по плечам, но они не могли задрапировать ни жилистой худой шеи, ни грязной ночной кофты, открывавшей благодаря оторванной верхней пуговке высохшую костлявую грудь. Известие, принесенное Матрешкой, поразило Заплатину как громом, и она даже выронила из рук гребень, которым расчесывала свои волосы перед зеркалом. В углу комнаты у небольшого окна, выходявшего на двор, сидел мужчина лет под сорок, совсем закрывшись последним номером газеты. Это был сам г. Заплатин, Виктор Николаич, топограф узловской межевой канцелярии. По своей наружности он представлял полную противоположность своей жене: прилично полный, с румянцем на загорелых щеках, с русой окладистой бородкой и добрыми серыми глазками, он так же походил на спелое яблоко, как его достойная половина на мо-

ченую грушу. Он маленькими глотками отпивал из стакана кофе и лениво потягивался в своем мягком глубоком кресле. Появление Матрешки и ее шепот не произвели на Заплатина никакого впечатления, и он продолжал читать свою газету самым равнодушным образом.

— Матрена, голубчик, беги сейчас же к Агриппине Филиппьевне... — торопливо говорила Заплатина своей горничной. — Да постой... Скажи ей только одно слово «приехал». Понимаешь?.. Да ради бога, скорее...

Матрешке в экстренных случаях не нужно было повторять приказаний, — она, по одному мановению руки, с быстротой пушечного ядра летела хоть на край света. Сама по себе Матрешка была самая обыкновенная, всегда грязная горничная, с порядочно измятым глупым лицом и большими темными подглазницами под бойкими карими глазами; ветхое ситцевое платье всегда было ей не впору и сильно стесняло могучие юные формы. В руках Заплатиной Матрешка была золотой человек, потому что обладала счастливой способностью действовать без рассуждений.

— Ах, господи... что же это такое?.. Да Виктор Николаич... Ах господи!.. — причитала Заплатина, бестолково бросаясь из угла в угол.

— Чего тебе?..

— Да ведь ты слышал: при-е-хал...

— Что же из этого?

— Болван! Да ведь Привалов — миллионер, пойми ты это... Мил-ли-онер!.. Ах, господи, где же мой корсет... где мой корсет?

— Отстань, пожалуйста...

— Дурак!.. Ах, господи... Ведь говорила я Агриппине Филиппевне, уже сколько раз говорила: «Mon ange,* уж поверьте, что недаром приехал этот ваш братец...» Да-с!.. Вот и вышло по-моему. Ах! вот пойдет переполох: Бахаревы, Ляховские, Половодовы... Я очень рада, что Привалов посбавит им спеси, то есть Ляховским и Половодовым. Уж очень зазнались... даром, что рыльце-то у них в пушку. Вот уж, погодите, подтянет вас, голубчиков, наследничек-то... Ха-ха... Виктор Николаич, дерево ты этакое, слышишь: Привалов приехал!

— Да отвяжись ты от меня, ржавчина! «Приехал, приехал», — передразнивал он жену. — Нужно, так и приехал. Такой же человек, как и мы, грешные... Дай-ка мне миллион, да я...

— Отчего же он не остановился у Бахаревых? — соображала Заплата, заключая свои кости в корсет. — Видно, себе на уме... Все-таки сейчас поеду к Бахаревым. Нужно предупредить Марию Степановну... Вот и партия Nadine. Точно с неба жених свалился! Этакое счастье этим богачам: своих денег не знают куда девать, а тут, как снег на голову, зять миллионер... Воображаю: у Ляховского дочь, у Половодова сестра, у Веревкиных дочь, у Бахаревых целых две... Вот извольте тут разделить между ними одного жениха!..

— Бабы — так бабы и есть, — резонировал Заплатин, глубокомысленно рассматривая расшитую цветным шелком полу своего халата. — У них свое на уме! «Жених» — так и было... Приехал человек из Петербурга, — да он и смотреть-то на ваших невест не хочет! Этакого осетра женить... Тьфу!..

* Мой ангел (*франц.*).

— Ничего ты не понимаешь, — с напускным равнодушием проговорила Заплата, облакаясь в перекрашенное шелковое платье травяного цвета и несколько раз примеривая летнюю соломенную шляпу с коричневой отделкой. — Разве мужчины могут что-нибудь понимать? По-твоему, например, Привалов заберется с Иваном Яковлевичем к арфисткам в «Магнит» и будет совершенно счастлив? Да? Как Лепешкин, Ломтев... Ведь и ты не прочь бы присоединиться к их компании. Пожалуйста, не трудитесь отпираться... Все вы, мужчины, одинаковы, и меня не проведете! Нет... Насквозь всех вас вижу: променяете на первую танцовщицу.

Заплата круто повернулась перед зеркалом и посмотрела на свою особу в три четверти. Платье сидело кошелем; на спине оно отдувалось пузырями и ложилось вокруг ног некрасивыми тощими складками, точно под ними были палки. «Разве надеть новое платье, которое подарили тогда Панафидины за жениха Капочке? — подумала Заплата, но сейчас же решила: — Не стоит... Еще, пожалуй, Марья Степановна подумает, что я заискиваю перед ними!» Почтенная дама придавала своей физиономии гордое и презрительное выражение.

— А ты вот что, Хина, — проговорил Заплатин, наблюдавший за последними маневрами жены. — Ты не очень тово... понимаешь? Пожалей херес-то... А то у тебя нос совсем клюквой...

— У меня... нос клюквой?!

Хиония Алексеевна выпрямилась и, взглянув уничтожающим взглядом на мужа, как это делают драматические провинциальные актрисы, величественно проговорила:

— Если без меня приедет сюда Агриппина Филиппьевна, передай ей, что я к ней непременно заеду сегодня же... Понял?

— Как не понять: вам с Агриппиной Филиппьевной теперь работа, в чужом пиру похмелье...

Семья Заплатиных в уездном городке Узле, заброшенном в глубь Уральских гор, представляла оригинальное и вполне современное явление. Она являлась логическим результатом сцепления целой системы причин и следствий, созданных живой действительностью. Эта семья, как истинное дитя своего века, служила выразителем его стремлений, достоинств и недостатков. Виктор Николаич был сын сторожа, отставного солдата. Кое-как, с грехом пополам, выучился он грамоте и в самой зеленой юности поступил в уездный суд, где годам к тридцати добился пятнадцати рублей жалованья. По тому времени этих денег было совершенно достаточно, чтобы одеваться прилично и иметь доступ в скромные чиновничьи дома. Последнее, ничтожное в своей сущности обстоятельство имело в жизни Заплатина решающее значение. На одной из чиновничьих вечеринок он встретился с чрезвычайно бойкой гувернанткой. Она заинтересовала маленького чиновника. Правда, у гувернантки была довольно сомнительная репутация, но это совершенно выкупалось тремя тысячами приданого. Заплатин был рассудительный человек и сразу сообразил, что дело не в репутации, а в том, что сто восемьдесят рублей его жалованья сами по себе ничего не обещают в будущем, а плюс три тысячи представляют нечто очень существенное. Этот брак состоялся, и его плодами постепенно явились двадцать пять рублей жалованья вместо прежних пятнадцати, далее свой

домик, стоивший по меньшей мере тысяч пятнадцать, своя лошадь, экипажи, четыре человека прислуги, приличная барская обстановка и довольно кругленький капиталчик, лежавший в ссудной кассе. Одним словом, настоящее положение Заплатиных было совершенно обеспечено, и они проживали в год около трех тысяч. А между тем Виктор Николаич продолжал получать свои триста рублей в год, хотя служил уже не в уездном суде, а топографом при узловской межевой канцелярии. Все, конечно, знали скудные размеры жалованья Виктора Николаича и, когда заходила речь об их широкой жизни, обыкновенно говорили: «Помилуйте, да ведь у Хионии Алексеевны пансион; она знает отлично французский язык...» Другие говорили просто: «Да, Хиония Алексеевна очень умная женщина». И далекая провинция начинает проникаться сознанием, что умные люди могут получать триста рублей, а проживать три тысячи. Это вполне современное явление никому не резало глаз, а подводилось под разряд тех фактов, которые правы уже по одному тому, что они существуют.

Домик Заплатиных был устроен следующим образом. Довольно приличный подъезд вел в светлую переднюю. Из передней одна дверь вела прямо в уютную небольшую залу, другая — в три совершенно отдельные комнаты и третья — в темный коридор, служивший границей собственно между половиной, где жили Заплатины, и пансионом. Центром всего дома, конечно, была гостиная, отделанная с трактирной роскошью; небольшой столовой она соединялась непосредственно с половиной Заплатиных, а дверью — с теми комнатами, которые по желанию могли служить совершенно отдельным помещением или присоединяться к зале. В зале стояли по-

рядочный рояль и очень приличная мебель. В других комнатах мебель была сборная, обои не первой молодости, занавески с пятнами и отпечатками грязных пальцев Матрешки. В домике Заплатиных кипела вечная ярмарка: одни приезжали, другие уезжали. Преобладающий элемент составляли дамы. Они являлись сюда за последними новостями, делились слухами и уезжали, нагруженные, как пчелы цветочной пылью, целым ворохом сплетен. *Idee fixe** Хионии Алексеевны была создать из своей гостиной великосветский салон, где бы молодежь училась хорошему тону и довершала свое образование на живых образцах, люди с весом могли себя показать, женщины — блеснуть своей красотой и нарядами, проезжие артисты и артистки — найти покровительство, местные таланты — хороший совет и поощрение и все молодые девушки — женихов, а все молодые люди — невест. Чтобы выполнить во всех деталях этот грандиозный план, у Заплатиных не хватало средств, а главное, что было самым больным местом в душе Хионии Алексеевны, — ее салон обходили первые узловские богачи — Бахаревы, Ляховские и Половодовы. Нужно отдать полную справедливость Хионии Алексеевне, что она не отчаивалась относительно будущего: кто знает, может быть, и на ее улице будет праздник — времена переменчивы. Так тклет паук паутину где-нибудь в темном углу и с терпением, достойным лучшей участи, ждет своих жертв...

— Эта Хиония Алексеевна ни больше ни меньше, как трехэтажный паразит, — говорил частный поверенный Nicolas Веревкин. — Это, видите ли, вот какая штука: есть такой водяной жук! — черт его знает,

* Навязчивая идея (*франц.*).

как он называется по-латыни, позабыл!.. В этом жуке живет паразит-червяк, а в паразите какая-то глиста... Понимаете? Червяк жрет жука, а глиста жрет червяка... Так и наша Хиония Алексеевна жрет нас, а мы жрем всякого, кто попадет под руку!

Что касается семейной жизни, то на нее полагалось время от двух часов ночи, когда Хиония Алексеевна возвращалась под свою смаковницу из клуба или гостей, до десяти часов утра, когда она вставала с постели. Остальное время всецело поглощалось приемами гостей и разъездами по знакомым. Виктор Николаич мирился с таким порядком вещей, потому что на свободе мог вполне предаваться своему любимому занятию — политике. Сидеть в мягком кресле, читать последний номер газеты и отпивать небольшими глотками душистый мокка — ничего лучшего Виктор Николаич никогда не желал. Его мысли постоянно были заняты высшими соображениями европейской политики: Биконсфильд, Бисмарк, Гамбетта, Андраши, Грант — тут было над чем подумать. Относительно своих гостей Виктор Николаич держался таким образом: выходил, делал поклон, улыбался знакомым и, поймав кого-нибудь за пуговицу, уводил его в уголок, чтобы поделиться последними известиями с театра европейской политики.

— Мне нужно посоветоваться с мужем, — обыкновенно говорила Хиония Алексеевна, когда дело касалось чего-нибудь серьезного. — Он не любит, чтобы я делала что-нибудь без его позволения...

Это, конечно, были только условные фразы, которые имели целью придать вес Виктору Николаичу, не больше того. Советов никаких не происходило, кроме легкой супружеской перебранки с похмелья или к не-

настной погоде. Виктор Николаич и не желал вмешиваться в дела своей жены.

Что касается пансиона Хионии Алексеевны, то его существование составляло какую-то тайну: появлялись пансионерки, какие-то дальние родственницы, сироты и воспитанницы, жили несколько месяцев и исчезали бесследно, уступая место другим дальним родственникам, сиротам и воспитанницам. Можно было подумать, что у Хионии Алексеевны во всех частях света бесконечная родня. Чему учили в этом пансионе и кто учил — едва ли ответила бы на это и сама Хиония Алексеевна. Пансион имел сношение с внешним миром только при посредстве Матрешки.

Чтобы довершить характеристику той жизни, какая шла в домике Заплатиных, нужно сказать, что французский язык был его душой, альфой и омегой. Французские фразы постоянно висели в воздухе, ими встречали и провожали гостей, ими высказывали то, что было совестно выговорить по-русски, ими пускали пыль в глаза людям непосвященным, ими щеголяли и задавали тон. В жизни Хионии Алексеевны французский язык был неисчерпаемым источником всевозможных комбинаций, а главное — благодаря ему Хиония Алексеевна пользовалась громкой репутацией очень серьезной, очень образованной и вообще передовой женщины.

II

Бахаревский дом стоял в конце Нагорной улицы. Он был в один этаж и выходил на улицу пятнадцатью окнами. Что-то добродушное и вместе уютное было в физиономии этого дома (как это ни странно,

но у каждого дома есть своя физиономия). Под этой широкой зеленой крышей, за этими низкими стенами, выкрашенными в дикий серый цвет, совершалось такое мирное течение человеческого существования! Небольшие светлые окна, заставленные цветами и низенькими шелковыми ширмочками, смотрели на улицу с самой добродушной улыбкой, как умеют смотреть хорошо сохранившиеся старики. Прохожие, торопливо сновавшие по тротуарам Нагорной улицы, с завистью заглядывали в окна бахаревского дома, где все дышало полным довольством и тихим семейным счастьем. Вероятно, очень многим из этих прохожих приходила в голову мысль о том, что хоть бы месяц, неделю, даже один день пожить в этом славном старом доме и отдохнуть душой и телом от житейских дразг и треволнений.

Каменные массивные ворота вели на широкий двор, усыпанный, как в цирке, мелким желтым песочком. Самый дом выходил на двор двумя чистенькими подъездами, между которыми была устроена широкая терраса, затянута теперь выющейся зеленью и маркизой с крупными фестонами. Эта терраса низенькими широкими ступенями спускалась в красивый цветник, огороженный деревянной зеленой решеткой. В глубине двора стояли крепкие деревянные службы. Между ними и домом тянулась живая стена акаций и сиреней, зеленой щеткой поднимавшихся из-за красивой чугунной решетки с изящными столбиками. Параллельно с зданием главного дома тянулся длинный деревянный флигель, где помещались кухня, кучерская и баня.

Внутри бахаревский дом делился на две половины, у которых было по отдельному подъезду. Ближайший

к воротам подъезд вел на половину хозяина, Василья Назарыча, дальний — на половину его жены, Марьи Степановны. Когда вы входили в переднюю, вас уже охватывала та атмосфера довольства, которая стояла в этом доме испокон веку. Обе половины представляли ряд светлых уютных комнат с блестящими полами и свеженькими обоями. Потолки были везде расписаны пестрыми узорами, и небольшие белые двери всегда блестели, точно они вчера были выкрашены; мягкие тропинки вели по всему дому из комнаты в комнату. Была и разница между половинами Василья Назарыча и Марьи Степановны, но об этом мы поговорим после, потому что теперь к второму подъезду с дребезгом подкатился экипаж Хионии Алексеевны, и она сама весело кивала своей головой какой-то девушке, которая только что вышла на террасу.

— Ах, mon ange! — воскликнула Хиония Алексеевна, прикладываясь своими синими сухими губами к розовым щекам девушки. — Je suis charmee!* Вы, Nadine, сегодня прелестны, как роза!.. Как идет к вам это полотноное платье... Вы походите на Маргариту в «Фаусте», когда она выходит в сад. Помните эту сцену?

Надежда Васильевна, старшая дочь Бахаревых, была высокая симпатичная девушка лет двадцати. Ее, пожалуй, можно было назвать красивой, но на Маргариту она уже совсем не походила. Сравнение Хионии Алексеевны вызвало на ее полном лице спокойную улыбку, но темносерые глаза, опущенные густыми черными ресницами, смотрели из-под тонких бровей серьезно и задумчиво. Она откинула рукой пряди свет-

* Я восхищена! (франц.).

ло-русых гладко зачесанных волос, которые выбились у нее из-под летней соломенной шляпы, и спокойно проговорила:

— Вы находите, что я очень похожа на Маргариту?

— О! совершенная Маргарита!..

— Как же вы недавно сравнивали меня с кем-то другим?

— Ах да, это совсем другое дело: если вы наденете русский сарафан, тогда... Марья Степановна дома? Я приехала по одному очень и очень важному делу, которое, *mon ange*, немного касается и вас...

— Опять, вероятно, жениха подыскиали?

— Что же в этом дурного, *mon ange*? У всякой Маргариты должен быть свой Фауст. Это уж закон природы... Только я никого не подыскивала, а жених сам явился. Как с неба упал...

— И не ушибся?

Хиония Алексеевна замахала руками, как ветряная мельница, и скрылась в ближайших дверях. Она, с уверенностью своего человека в доме, миновала несколько комнат и пошла по темному узкому коридору, которым соединялись обе половины. В темноте чьи-то небольшие мягкие ладони закрыли глаза Хионии Алексеевны, и девичий звонкий голос спросил: «Угадайте кто?»

— Ах! коза, коза... — разжимая теплые полные руки, шептала Хиония Алексеевна. — Кто же, кроме тебя, будет у вас шутить? Сейчас видела Nadine... Ей, кажется, и улыбнуться-то тяжело. У нее и девичьего ничего нет на уме... Ну, здравствуй, Верочка, *ma petite, chevre!*..*

* моя маленькая козочка!.. (франц.).

Ах, молодость, молодость, все шутки на уме, смехи да пересмехи.

— Да о чем же горевать, Хиония Алексеевна? — спрашивала Верочка, звонко целуя гостью. Верочка ничего не умела делать тихо и «всех лизала», как отзывалась об ее поцелуях Надежда Васильевна.

— Ах, *ma petite*,* все еще будет: и слезки, может, будут, и сердечко защемит...

— Ну и пусть щемит: я буду тогда плакать. Мама в моленной... Вы ведь к ней?

— О да, мне ее непременно нужно видеть, — серьезно проговорила Хиония Алексеевна, поправляя смятые ленты. — Очень и очень нужно, — многозначительно прибавила она.

— Я сейчас, — проговорила Верочка, бойко повернулась на одной ножке и быстро исчезла.

«Вот этой жениха не нужно будет искать: сама найдет, — с улыбкой думала Хиония Алексеевна, провожая глазами убегающую Верочку. — Небось не закиснет в девках, как эти принцессы, которые умеют только важничать... Еще считают себя образованными девушками, а когда пришла пора выходить замуж, — так я же им и ищи жениха. Ох, уж эти мне принцессы!»

Хиония Алексеевна прошла в небольшую угловую комнату, уставленную старинной мебелью и разными поставцами с серебряной посудой и дорогим фарфором. Китайские чашечки, японские вазы, севрский и саксонский сервизы красиво пестрели за большими стеклами. В переднем углу, в золоченом иконостасе, темнели образа старинного письма; изможденные, высохшие лица

* моя крошка (*франц.*).